

МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА С. Л. РУБИНШТЕЙНА

К. А. Абульханова., А. В. Брушлинский

Решением Правительства из эвакуации С. Л. Рубинштейн в 1943 году был отозван в Москву*. Здесь ему была вручена государственная (Сталинская) премия и впервые в истории Академии наук советских времен он в качестве психолога был избран ее членом-корреспондентом. Это избрание означало государственное признание роли психологической науки в общественной жизни. Для самого Сергея Леонидовича это почетное звание одновременно означало возможность войти в круг реального общения с крупнейшими представителями различных наук, методологию которых он изучал в двадцатые годы только теоретически и в полной изоляции. Он общается с Президентом академии С. И. Вавиловым, с братом которого сотрудничал еще в Ленинграде, оживленно обсуждает проблемы языка с академиком Н. Я. Марром, знакомится с представителями других гуманитарных и естественных наук. В своих выступлениях Рубинштейн увлеченно доказывает огромную роль психологической науки в развитии системы знаний гуманитарного цикла.

В 1943 году одновременно он впервые создает кафедру психологии (на философском факультете) в университете, назначается ее заведующим и директором знаменитого, еще до революции открытого, Московского института психологии, создает сектор философских проблем психологии в Институте философии АН СССР. В университете и в Институте философии он собирает крупнейших психологов и психофизиологов того времени, в том числе ученицу Курта Левина Б. В. Зейгарник, представителей харьковской школы А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурию, А. В. Запорожца, П. Я. Гальперина и других. В сектор Института философии он принимает ведущих специалистов различного профиля: Б. Г. Ананьева (по совместительству), С. В. Кравкова, Н. А. Гарбузова,

* См. биографию С. Л. Рубинштейна в разных изданиях его трудов, а также «хронику основных событий жизни и творчества» – опубликованную в томе Сергей Леонидович Рубинштейн // Философия России второй половины 20 века. М.: РОССПЭН, 2010 г. – подготовленную А. А. Демидовым.

Н. Н. Ладыгину-Котс, в сектор философских проблем психологии (по совместительству) приглашен Б. М. Теплов и др. На университетской кафедре работают под его руководством и последовавшие за ним ленинградские коллеги – А. Г. Комм и др.

Если состав кафедры университета укомплектован исключительно ведущими психологами, то во вновь созданном секторе философских проблем психологии, кроме известных ученых, он собирает молодое поколение психологов. Еще в одесский период деятельности в высшей степени Рубинштейн был озабочен проблемой подготовки психологических кадров, создав институт аспирантуры, выписывая из-за границы книги, по которым могли обучаться молодые ученые. В данный период он решает эту задачу с огромной энергией на новом уровне, в новом масштабе. При этом принцип обучения построен в соответствии с его концепцией – обучение происходит в единстве с исследовательской деятельностью, в которую без каких бы то ни было ограничений он вовлекает своих учеников. В их числе М. Г. Ярошевский, Е. А. Будилова, Л. И. Анцыферова и другие. Двум первым он поручает огромную по важности, по его мнению, задачу – восстановления в психологии сеченовского учения, которое выпало из нее, будучи вытеснено интересом к концепции Павлова. На эту тему защищаются две кандидатские диссертации, и уже после кончины Сергея Леонидовича М. Г. Ярошевский – молодой талантливый психолог, специализировавшийся впоследствии по истории психологии, защищает докторскую. Чуть позже, раскрывая роль концепции Сергея Леонидовича в истории отечественной психологии, защищает докторскую и Е. А. Будилова.

У истоков нового исследовательского направления – психологии мышления – оказывается Л. И. Анцыферова. Это направление С. Л. Рубинштейн начинает разрабатывать и на кафедре университета, организовав там работу исследовательского семинара по проблемам мышления, к которой были привлечены и аспиранты (А. М. Матюшкин, И. С. Якиманская и др.), и студенты. Исследовательские задачи ставятся и перед аспирантами и даже студентами (К. А. Славская, И. М. Жукова, А. В. Брушлинский, Е. П. Кринчик и др.). В семинаре активно участвовали аспиранты кафедры психологии философского отделения – В. В. Давыдов, В. С. Тюхтин и многие другие.

На семинаре начала создаваться новая концепция мышления, вобравшая в себя критически переработанные идеи гештальт-психологии (М. Вертгеймер, К. Дункера), которые изучались по оригиналам. На семинаре в своей теоретической и особенно экспериментально-методической составляющих обсуждались концепции Ж. Пиаже, П. Жане и др., идеи И. М. Сеченова – И. П. Павлова об анализе, синтезе и обобщении, проблемы соотношения речи и мышления, логики и психологии. С. Л. Рубинштейн совместно со своими учениками сконцентрировал работу по созданию таких методик, которые, не влияя на естественный ход мыслительного процесса человека, позволяли выявить его этапы,

степень продвинутой в решении задач, – «зондировали» его. Одновременно разрабатывались методики, которые, напротив, оптимизировали процесс мышления, а не только диагностировали его движение.

Параллельно с этим над методикой, получившей условное название «подсказки», работал под руководством А. Н. Леонтьева его аспирант Я. А. Пономарев, однако в рубинштейновской школе эта методика использовалась для выявления степени продвинутой мышления испытуемого и выполняла иную роль.

В этот период Рубинштейн разрабатывает свою оригинальную формулу анализа через синтез, которая, заняв центральное место в исследованиях мышления, затем была экстраполирована в качестве методологического принципа на определение природы психического в целом, на включение психического в разные системы связей (синтез), что позволило выявить его новые качества, проявляющиеся в этих системах (анализ).

Столь же интересна иррадиация механизма обобщения, который первоначально исследовался как механизм мышления (механизм обобщения отношений в работе А. М. Матюшкина), а в последующем Рубинштейн раскрыл особенности обобщения, присущие способностям, а еще позднее – в труде «Человек и мир» – показал обобщающую сущность жизни человека, природу «мировоззренческих чувств». Работа семинара и ее результаты нашли свое воплощение в книге Рубинштейна «О мышлении и путях его исследования» и в вышедшем уже после его смерти сборнике статей его сотрудников*.

В сектор философских проблем психологии Института философии с докладами приглашались известные ленинградские психологи – В. Н. Мясищев, Б. Г. Ананьев, украинские – В. П. Зинченко, грузинские – А. Т. Бочоришвили и др. Университетские заседания кафедры того периода представляли собой оживленнейшие творческие дискуссии – по проблемам сознания, деятельности, мышления и др., были уникальными образцами коллективного творчества. Сектор философских проблем Института философии и кафедра психологии МГУ объединяются творческой исследовательской и педагогической деятельностью.

Значительным направлением научной деятельности Рубинштейна становится в последние годы войны и после ее окончания осуществля-

ющееся в тесном союзе с А. Р. Лурией исследование психологических и психофизиологических особенностей травм, связанных с ранениями и частичными поражениями работы мозга, а также поиск путей восстановления его функциональных возможностей (реабилитации и компенсации). Об этом направлении деятельности С. Л. Рубинштейна написаны специальные работы. В 1943 году Рубинштейна назначают членом Комиссии по подготовке материалов, связанных с организацией Академии педагогических наук РСФСР. В марте 1944 года Совнарком РСФСР утвердил первых действительных членов-корреспондентов этой академии, но – вопреки всеобщему ожиданию – Рубинштейна среди них не оказалось. Со слов Рубинштейна известно, что против его избрания в АПН РСФСР категорически возражал Президент этой академии и нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин (знавший его еще по Одессе)*. Рубинштейн, как и Теплов, был избран академиком АПН РСФСР позже, в 1945 году.

В итоге для Рубинштейна ситуация в АПН оказалась сложной. Он не имел поддержки «сверху» – со стороны В. П. Потемкина, и «снизу» – со стороны большинства сотрудников Московского института психологии (вошедшего в 1944 году в состав этой Академии).

В отношении Московского института психологии (ныне Психологический институт РАО) фактически повторилась ситуация, которую пережил С. Л. Рубинштейн в самом начале своего творческого пути в Одесском университете. Как тогда одесская профессура, сложившаяся и сплотившаяся на других идеях иной методологии (в Одессе – идеалистической), профессура Московского института не приняла ни методологии деятельностного подхода, ни идей, ни инициатив Рубинштейна, в силу чего он и оставил пост руководителя.

Ему было необходимо и реально открыто пространство свободы творчества и в Университете, и в Институте философии.

Однако и этой свободе начали ставиться преграды. Не заслуживает подробного анализа ситуация взаимоотношений С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, которые первоначально объединились в решении задачи изучения психологической структуры и механизмов деятельности, но постепенно начали расходиться в ее трактовке. Общеизвестно, что Леонтьев приступил к осмыслению этой проблемы едва ли не десятилетиями позднее, являясь автором концепции развития психики («Очерки развития психики»). В трактовке как деятельности, так и отражения он следовал канонам советской философской доктрины (взяв за основу определения первой глобальную философскую модель «цель–средство–результат» и добавив к ней мотив «от имени психоло-

* Это направление продолжало развиваться и расширяться и после кончины С. Л. Рубинштейна. У себя дома в маленькой комнатке продолжал руководить работой семинара Алексей Михайлович Матюшкин. Официально в чудом сохранившемся секторе философских проблем психологии им руководила блестящий знаток зарубежной психологии Л. И. Анцыферова, постепенно интегрируя проблемы мышления и личности, тогда как А. В. Брушлинский активно разрабатывал проблему процессуальных особенностей мышления, его детерминации, переросшую впоследствии в континуально-генетическую модель предмета психологии, психического в целом.

* По-видимому, протест Потемкина не был случайностью. К одной из опубликованных С. Л. Рубинштейном в одесский период статей, где он пишет о задачах современной педагогики и всей системы образования, в организации которого на Украине он сам активно участвовал, В. П. Потемкин сделал в сноске комментарий ярко антисемитского характера.

гии»). Рубинштейн же представил свой принцип единства сознания и деятельности еще в 1934 году, и в последующие годы шаг за шагом раскрывал все диалектические соотношения развития, функционирования и взаимосвязей деятельности и сознания.

Но за научным расхождением лежали, как показали дальнейшие события, глубокие идеологические и личные причины. А. Н. Леонтьев вступил в контакт с реакционно настроенными философами и обрел с ними взаимопонимание. Этим тесным союзом был организован ряд разгромных обсуждений работ Рубинштейна – сначала «Основ общей психологии» (1946 года издания), а к концу сороковых годов – уже и всей психологической науки в целом (так называемая «Павловская сессия»)* с предложением заменить ее физиологией высшей нервной деятельности. Последняя, как и ряд других последовавших за ней разгромов космополитизма и космополитов, носила откровенно идеологический характер, осуществлялась по правительственному указу. В период кампании по борьбе с космополитизмом в печати и на собраниях критиковали, конечно, не только Рубинштейна, но и некоторых других психологов и педагогов, например, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурию, И. А. Каирова и др. Но из всех советских психологов именно Рубинштейн оказался главной жертвой этой кампании и потому в отношении него были сделаны суровые «оргвыводы». Уже на первом обсуждении «Основ» Рубинштейн подвергся критике за явное преобладание в его монографии имен зарубежных психологов. В качестве второго обвинения ему была приписана изобретенная А. Н. Леонтьевым теория «двойной детерминации» психики миром и мозгом, приписана метафизическая, дуалистическая концепция, не имевшая ничего общего с совершенно отдельно рассматривавшимися Рубинштейном принципами – соотношения психического и физиологического и индивидуального и общественного, которые методологически объясняли специфику совершенно различных качеств и реальностей психики.

Стоит ответить только на один вопрос: почему именно проблема детерминации была выбрана в качестве наиболее актуальной для кри-

* Летом 1950 года состоялась так называемая «Павловская сессия» АН СССР и АМН СССР, несправедливо и в директивном порядке осудившая многих физиологов, медиков, психологов за недооценку или искажение учения И. П. Павлова и положившая начало его догматизации. Стоит отметить, что еще в 1947 году С. Л. Рубинштейн дает глубокий анализ павловского учения в работе «Учение И. П. Павлова и психология» (Рубинштейн, 1947). На этой сессии и после нее разгромной критике были подвергнуты Л. А. Орбели, П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, С. Л. Рубинштейн и многие другие. П. К. Анохин был выслан из Москвы в Рязань и вынужден был опубликовать статью в «Физиологическом журнале» с признанием своих ошибок в развитии учения И. П. Павлова. С. Л. Рубинштейн, которому с 1948 года была запрещена публикация трудов, сумел только в 1952 году, после четырехлетнего перерыва, опубликовать свою статью, вставив в нее самокритический абзац, касающийся того, что он не следовал по павловскому пути.

тики? «Проросшая» в науку идея культа личности утверждала возможность изменения человеком (Властью) направления движения рек, законов природы. Это подтвердилось, как известно, мичуринским учением, пытавшимся доказать, что можно «превратить яблоню в грушу», лысенковской биологией и однозначными экспериментами павловских учеников, которые утверждали возможность «воспитания» (условных рефлексов) ребенка на основе пищевого подкрепления. Во всех этих псевдонаучных «фактах» становилась очевидностью способность власти изменять природу и человека. А. Н. Леонтьев, бывший учеником и последователем Л. С. Выготского, извлек и из его далеко не столь упрощенной концепции идею ведущей роли социальной детерминации, социума, абсолютизировав ее, между тем как у самого Выготского она никогда не носила такого примитивного характера*.

Об этом стоит еще раз вспомнить не только как о фактах идеологического подавления науки и ученых, но и в связи с тем, что в числе обвинителей оказались вчерашние единомышленники Рубинштейна, те, с которыми Сергей Леонидович не только тесно сотрудничал в науке, но кого всячески поддерживал (организация защиты докторской А. Н. Леонтьева и других ученых в Ленинграде, его хлопоты, обеспечившие ряду харьковских психологов, которых он пригласил на работу, квартиры в Москве и т. д.)†. Сегодня трудно себе представить, какой

* Идеей социальной детерминации была проникнута и концепция деятельности, развивавшаяся А. Н. Леонтьевым, и взгляды его сотрудников: например, П. Я. Гальперин выступил с докладом, один из тезисов которого звучал так: «психика есть то, что мы из нее сделаем».

† Сам Сергей Леонидович в Ленинграде и первые годы в Москве ютился в самых скромных жилищах, в которых большую часть площади занимала его библиотека. Об этих фактах стоит упомянуть потому, что на Запад и в США были экспортированы сведения, что Рубинштейн (в отличие от Выготского) процветал при Сталине: имел особняк, штат прислуги, служебную машину, дачу. Он, действительно, будучи уже больным, имел домработницу, шофера и снимал дачу, но... за свои деньги. Эти факты, с одной стороны, характеризуют высшую степень скромности личных потребностей ученого и его постоянную заботу о нуждах окружающих (Михаил Григорьевич Ярошевский рассказывал, как Сергей Леонидович буквально спас ему жизнь, делясь своими продуктами, то же было и в Ленинграде – когда он пешком во время блокады носил продукты своему больному аспиранту). С другой стороны, эти факты, очень различные – и научные, и жизненные, – обнаруживают, как умело и последовательно искажали и представляли в извращенном виде его идеи и поступки его «коллеги». Легенда о двойной детерминации психики не была единственной: уже после смерти Рубинштейна его глубоко диалектичную формулу детерминации «внешнее, преломляющееся, опосредованное внутренним» Леонтьев представил в своей книге «Деятельность. Сознание. Личность» как бихевиористскую, а формулу Рубинштейна – как свою (Абульханова, 1980). И, далее, он критиковал Рубинштейна за то, что тот признает интериоризацию и не учитывает «экстериоризацию», объективацию, о которой Рубинштейн, напротив,

беспрецедентно примитивный, средневековый характер носила подчас критика бывших друзей.

Стоит еще раз вспомнить о событиях этих пяти-шести лет жизни Рубинштейна, на протяжении которых он подвергался непрерывной критике и гонениям (освобождением от всех должностей, постов, запретом публикаций), еще и для того, чтобы показать, какой силой обладал он, не только не признавая своих «ошибок» (как многие другие), не только не прекращая своей творческой деятельности, но перенося все это с гордо поднятой головой, сохраняя чувство собственного достоинства*. На это «ответила» только болезнь (ему уже было за 60): в 1953 году он оказался на грани смерти. Даже за давностью лет стоит отдать дань благодарности врачам санатория «Узкое», не побоявшимся принять и лечить опального больного, сумевшим поставить его на ноги. И все же, несмотря на депривацию Рубинштейна психологическим сообществом, он, так понимавший роль интеграции науки и так много сил вложивший в ее объединение, выступил инициатором и организатором создания журнала «Вопросы психологии», а также первого за советский период Всесоюзного общества психологов.

Все эти годы он не прекращал не только своей работы, но и научного общения с учениками – теми из них, кто не боялся этих встреч, кто не вел за ним слежку и не писал доносов.

Сергей Леонидович обладал талантом дирижера в коллективном общении (будь то общение с учеными или студентами) и талантом воспитателя в общении с каждым из учеников. Недавно ушедший из жизни О. А. Конопкин необыкновенно образно рассказывал, как Сергей Леонидович читал пятому курсу свои главы из уже создававшегося труда «Бытие и сознание» (1956 г.): вдохновенно и живо, проходя между рядами студентов. Увы, никто ничего не понял из сложнейшего содержания этой философско-психологической работы... Когда настал день зачета, Сергей Леонидович попросил охваченных страхом студентов сдать зачетки и собраться возле его стола. Он молниеносно поставил всем без единого вопроса зачет, потом полуобнял их, тесно прижав

писал еще в 1922 году в статье «Принцип творческой самодеятельности». Это уже не говоря о постоянно возобновлявшихся утверждениях, что Рубинштейн заимствовал свою концепцию у Выготского. Дискуссия между школой Рубинштейна и Выготского представлялась психологической общественности как нападки со стороны учеников Рубинштейна, тогда как реальность была такова, что эти «нападки» были вызваны спокойным искажением концепции Рубинштейна А. Н. Леонтьевым, что и побуждало нас к честной и открытой дискуссии.

* Об одном из таких заседаний Ученого совета Института психологии Рубинштейн рассказал однажды следующее. Он вошел в уже переполненный людьми, ожидающих зрелища расправы, зал, имевший форму римского амфитеатра, и поднимался по лестнице все выше, так как ни один из присутствующих не уступил ему места...

друг к другу, и начал тихо, проникновенно рассказывать изучавшуюся в семестре главу, а потом вдруг резко встал и, выпрямившись, разжав полуобъятие, громовым голосом, заставившим всех невольно вздрогнуть, произнес свое резюме... Никто из присутствующих не знал, и только десятилетия спустя, когда впервые была опубликована его так и не увидевшая свет при жизни статья о Германе Когене, может быть, узнал, как он был похож этим своим то сдержанным, то взрывчато-эмоциональным складом на своего первого учителя, какую страстность ученого он передавал свои ученикам.

Многие его ученики и сотрудники, занимавшие временами это ученическое кресло беседы-отчета, вспоминал о стиле общения Сергея Леонидовича (Е. А. Будилова, И. С. Якиманская и др.). Он был предельно чуток к каждому слову, каждому движению (даже проблеску) мысли ученика, поддерживая, одобряя, поощряя своими репликами, вопросами. Его глубоко и всерьез интересовало то, что думает о том или ином научном положении, тезисе, тексте книги молодой психолог, как он понял, насколько заинтересован. Но часто, прервав ход беседы, он вставал и, меряя шагами по диагонали свой кабинет, на ковре которого уже протоптались дорожки, начинал громко, акцентированно формулировать какое-то новое положение, новую свою мысль, рожившуюся в ходе беседы. И тогда он становился строг, просил записывать его речь, иногда несколько раз меняя формулировку для более емкого и точного выражения мысли. Чувствуя невольный трепет пред величием его мысли и личности, им восхищались, его и боялись, и любили. Как практический психолог он не замечал в людях хитрости, подлости, но всегда распознавал масштаб и оригинальность личности и таланта. Иногда, напротив, ясно видя в человеке двуличие, он добродушно резюмировал: «Ну этот и в следующий раз обманет...» (Славская, 2009, с. 56–71). Только однажды обменявшись двумя-тремя репликами на каком-то собрании в Ленинграде с тогда еще совсем молодым Борисом Федоровичем Ломовым, он подозвал к себе кого-то стоявшего рядом и спросил: «Кто это был?». Выслушав ответ, заметил: «Этот юноша далеко пойдет...».

Хотя сегодня число непосредственных учеников Рубинштейна, составлявших тогда его коллективы, школу, бесконечно убывает, однако в то же время возрастает число тех, кто оказался предан духу и мысли его, не встречаясь с ним в жизни, но впитав в себя одухотворенные трагизмом и проникнутые оптимизмом его идеи, концепции, размышления, его человеческую психологию.

Только через несколько лет после смерти Сталина Рубинштейн был возвращен на должность заведующего сектором философских проблем психологии в Институте философии АН СССР*.

---

* В последние годы жизни, кроме работы над рукописью «Человек и мир», Президиумом АН СССР он был назначен организатором крупнейшего

В биографии Рубинштейна в данной книге и в других изданиях неоднократно отмечался поразительный факт стремительного выхода в свет (три года подряд) трех его монографий: «Бытие и сознание» (1957), «О мышлении и путях его исследования» (1958), «Принципы и пути развития психологии» (1959). Это прежде всего свидетельство непрерывно продолжавшейся и в годы опалы, и в годы «реабилитации» неустанной, неутомимой научной работы Сергея Леонидовича, особенно вдохновенной и творческой в последние годы жизни.

Содержание книги «Бытие и сознание» давно известно широкому кругу читателей, а формула детерминизма, представленная в ней, очень быстро была признана психологическим сообществом, несмотря на высокий уровень сложности монографии в целом – она не нуждается в комментариях. В монографии о мышлении С. Л. Рубинштейн представил свою новую концепцию психологии мышления (в «Бытии и сознании» речь идет преимущественно о познании), опираясь на многочисленные экспериментальные данные, полученные в содружестве с учениками и сотрудниками. Этой книгой, как и неоднократно переиздающимся учебником-монографией «Основы общей психологии», опровергается еще одна – уже не тайком, а громко повторяемая – легенда о Рубинштейне как абстрактном теоретике, скорее философе, чем психологе, далеком от исследовательских реалий...

В «Принципах и путях развития психологии» (1959) мы находим развитие принципа единства сознания и деятельности, разработанного еще в 1930-х годах, и более ранних идей 1910–1920-х годов.

История создания труда «Человек и мир» также хорошо известна. Можно только сказать, что высокие философские обобщения и возвышенные мысли о Человеке, Вселенной, о смысле жизни писались слабеющей рукой, но создавались сильным духом. Сам Сергей Леонидович, как это свидетельствует из его немногих дневников, опубликованных в разных изданиях, достиг той вершины жизни, которой немногим дано достичь, когда свершается ее главный смысл, завершается ее Замысел, когда дух возвышается над горечью поражений, над брэнностью страданий, потерь и измен, и счастье достигнутого открывает созна-

Всесоюзного совещания по проблемам соотношения биологического и социального. Е. В. Шорохова, назначенная и.о. заведующего сектором философских проблем психологии в Институте философии АН СССР после его кончины, передала нам пакет, содержащий программу совещания, обозначение его основных направлений, проблем, проекты подготовки, имена участников. К участию были привлечены блестящие ученые-физиологи, психофизиологи – П. К. Анохин, Н. И. Гращенков, П. В. Симонов и многие другие, превратившие подготовку к совещанию в своеобразный цикл предварительных теоретических семинаров с плодотворными дискуссиями ведущих участников. К сожалению, открывая совещание, тогдашний директор Института философии П. Н. Федосеев не только не назвал имени организатора и автора научной программы совещания, но и упомянул Рубинштейна в своем докладе как ревизиониста и абстрактного теоретика.

нию, разуму, чувству Величие бытия, красоту Природы, силу любви и достоинства Человека.

Поэтому как к не заслуживающему внимания отнесся Рубинштейн к отмене празднования его 70-летнего юбилея, к запрету публикации юбилейной статьи в «Вопросах философии», к последующему раунду борьбы за истину с А. Н. Леонтьевым*. Эти события для него, ощутившего в своем труде и жизни дыхание Вселенной, были уже более чем внешними.

Не знаю, удастся ли мне еще раз когда-то написать что-либо о трудах, мыслях, жизни Сергея Леонидовича – мой «век» уже перешагнул отмеренный ему срок, а жизнь Андрея Брушлинского оборвана рукой величайшей несправедливости, рукой Зла, с которым он мужественно боролся... Поэтому в заключение этого более эссе, чем научной статьи хочется сказать последнее.

Вся наша с Андреем сознательная взрослая жизнь, ставшая такой с 1952 года – времени встречи с Сергеем Леонидовичем, была посвящена его идеям, книгам, его делу, служению этому делу. С ноября–декабря 1956 года мы, как школьники за партой, делали «научно-вспомогательную» работу по подготовке к изданию книг Рубинштейна, проводили в школах эксперименты по мышлению, участвовали в семинаре, – учились и пытались понять своего Учителя.

Его смерть сделала нас необратимо взрослыми, возложив на наши плечи и головы ответственность за все, – за то, чтобы были опубликованы не изданные при его жизни труды, чтобы были поняты, не забыты и не искажены его идеи, чтобы продолжало приносить новые плоды посаженное им дерево. Мы не были одиноки – нас поддерживали, учили уму-разуму, направляли его старшие друзья-сотрудники – Елена Александровна Будилова, Надежда Николаевна Ладыгина-Котс, – весь чудом и трудом сохранившийся сектор в Институте философии АН СССР. Но сложилось так, что мы были сильными и самыми молодыми и потому, с вдохновением юности приняв его идеи и его воодушевленность мыслью и наукой, посвятили, или даже, можно сказать, отдали ему свои жизни. Андрей – более, чем я – был самоотверженно предан Сергею Леонидовичу, каждому его слову, мысли, его делу. И он много, бесконечно много усилий, труда, борьбы, всей жизни своей отдал этому делу, реализовал оставленное учителем наследие и осуществил дальнейшее его развитие в науке (и в ее теории, и в ее практическом бытии) в Институте психологии РАН.

Мне же достался удел (или жребий) «понимающий», или «переживающий» (подобный психологии Шпрангера, Дильтея): расшифровы-

* Вероятно, истина заключается в том, что всегда – во все времена были Моцарт и Сальери, также как были несравнимые Моцарт и Бетховен, и история человеческих жизней, особенно великих судеб, не может не быть преисполнена противоречий.

вать, раскрывая скрытое, воссоздавать ход этой сложнейшей высокой мысли – философии и психологии Рубинштейна, и, объяв целое, найти те отношения, которые его образуют. И, погружаясь в эту идентичность с ней, восстанавливая ее аутентичность, я каждое мгновение удерживала в своем сознании линию, путь, которым она могла бы двигаться дальше, будь жив Учитель. И потому не только слова и мысли, идеи и книги его жили во мне, – он сам стоял за моей спиной и одновременно – впереди меня.

И в результате, не будучи оригинальной по отношению к тому, что он написал в своей первой статье-некрологе о Н. Н. Ланге (в свои 33 года!), я в свои – большие, чем его – годы могу лишь это повторить: все сказанное им и все разившееся и ставшее на этой основе несопоставимо по глубине и масштабу Величию его личности. Он достиг полного единства своей жизни, своей личности и концепции жизни Человека, доказав, что человечность, мудрость, великодушие и величие достигаются именно в жизни, в процессе борьбы с силами, встающими против человеческой сущности, против справедливости, истины и добра.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
- Рубинштейн С. Л. Учение И. П. Павлова и психология // Труды научной сессии, посвященной 10-летию со дня смерти великого русского ученого И. П. Павлова. М., 1946.
- Славская А. Н. Ранний период научного творчества С. Л. Рубинштейна (методологический, теоретический, биографический анализы) // Психологический журнал. 2009. № 5. Т. 30.

РУБИНШТЕЙНОВСКИЕ ТРАДИЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. Н. Ждан

Сергей Леонидович Рубинштейн – прежде всего теоретик и методолог психологии, философ, основатель крупной школы отечественной психологии. В то же время, как известно, значительное место в его творчестве занимало преподавание психологии. Начиная с 1914 года, он много преподавал: в гимназии в Одессе, в пединститутах Одессы и Ленинграда, в Московском университете (Сергей Леонидович Рубинштейн..., 1989, с. 103–112, 146–158). Исходя из понятия сократоплатоновской педагогики об учении как творческой самодеятельности (Рубинштейн, 1989), он стремился построить адекватные этому пониманию процесс и систему образования в области психологии. В основу преподавания психологии им была положена научная задача по критическому освоению достижений мировой науки. Его монография «Основы общей психологии» имела гриф учебного пособия для высших педагогических учебных заведений и университетов, но рассматривалась им как «исследовательская работа, которая по-новому ставит ряд основных проблем» (Рубинштейн, 1946, с. 3). В ней нашли воплощение важнейшие принципы психологической науки и организации преподавания психологии, содержится созданная автором целостная концепция подготовки профессиональных психологов.

Завершающий этап научной и организационно-педагогической деятельности Сергея Леонидовича Рубинштейна, охватывающий период с 1 октября 1942 года по 6 марта 1958 года, неразрывно связан с Московским университетом. Среди выдающихся представителей психологической науки в Московском университете ему принадлежит особая роль. Здесь он явился организатором и руководителем первой в истории университета кафедры психологии и создателем системы учебной работы по подготовке психологов в высшей школе. Он много потрудился для восстановления в Московском университете научной работы в области психологии и преподавания психологии после десятилетнего перерыва в период, охватывающий тридцатые годы прошлого